

О пораженчестве

Мы подойдем к вопросу, разделившему нашу эмиграцию на пораженцев и оборонцев, с несколько необычной точки зрения. Нам представляется, что этот сложный и трудный вопрос имеет, прежде всего, глубоко принципиальное значение, и что вне его правильного разрешения не мыслимо оздоровление и укрепление нашего русского национального сознания. И нам думается поэтому, что все мы, просто как русские люди, обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы наши эмигрантские споры между пораженцами и оборонцами были плодотворными. А для этого совершенно необходимо соблюдение некоторых условий, без которых, действительно, все эти споры просто бессмысленны. Необходимо, прежде всего, чтобы каждая из спорящих сторон сумела подняться до той степени культурности, которая позволила бы ей понять, что инакомыслие с нею не обязательно происходит из бесчестности, либо злостности, либо глупости, и что, поэтому, не основательно и вредно, отказываясь от честного и корректного спора, переходить на взаимную вражду и ссору, в которой каждый стремится не к выяснению истины, а к уязвлению и опорочению своего противника. С другой стороны, необходимо, чтобы спор велся с соблюдением правил логики. А для этого нужно, прежде всего, чтобы каждый выяснил, с возможно наибольшей определенностью, что он понимает под пораженчеством и на основании каких соображений он вкладывает тот или иной смысл в это понятие. Это тем более необходимо, что в споры между пораженцами и оборонцами вносится обычно путаница именно различными и совершенно произвольными толкованиями слова «пораженчество».

Вот, при соблюдении этих условий, эмигрантские споры могли бы принести делу оздоровление русского национального сознания и развития русской политической мысли значительную пользу, может быть, далеко превосходящую обычные масштабы наших эмигрантских возможностей.

Следуя только что изложенным соображениям, мы постараемся сначала, не вдаваясь ни в какие оценки, с возможной беспристрастностью, разобраться в значении самого понятия «пораженчество», а затем уже приступим к изложению наших взглядов.



Под пораженчеством, с самого возникновения этого слова, понимается такое умонастроение, которое заставляет человека желать поражения своей родине во внешней войне, т. е. войне с другим государством, или, более обще, с иноземными силами.

Как общее явление, пораженчество диктуется людям отнюдь не ненавистью к своей родине. И думается нам, что этот факт находит какое то отображение и в самом содержании понятия «пораженчество». Если бы ктонибудь из наших соотечественников объявил, что он желает поражения России просто потому, что ненавидит ее, то вряд ли нам пришлось в голову назвать его пораженцем. Мы посмотрели бы на него скорее как на отщепенца, утратившего право называться русским, либо просто, как на предателя. Пораженчество, как общее явление, диктуется людям отрицательным отношением не к своей родине, а к ее государственной власти, на которую они смотрят как на врага более страшного, чем враги внешние. Пораженцы ждут от победы внешних врагов над их родиной падения или, во всяком случае, ослабления ненавистной им власти и поэтому смотрят на эту победу, как на победу, в конечном итоге, своей родины и как на поражение только ее нынешней власти. При таком отношении к этой власти, пораженцы не могут, само собою разумеется, не считать, что эта власть не представляет и не имеет права представлять их страну, не защищает и не может защищать ее интересов. Вполне естественно, что у пораженцев вырабатывается склонность рассматривать власть господствующую над их страной, как власть «оккупационную» и причислять ее к врагам не внутренним, а, скорее, внешним.

Вот такие взгляды, свойственные всем пораженцам вообще, и дают повод нашим эмигрантским пораженцам утверждать, что они — не пораженцы. Отсюда, главным образом, и происходит путаница, вносимая в самое понятие пораженчества. В этой путанице необходимо разобраться. Прежде всего следует отметить, что какова бы ни была государственная власть, она относится к явлениям внутренней жизни страны, если только она не навязывается ей физической силой другого государства, и ее наличие не сопряжено с ущерблением суверенитета подвластной ей страны. Иначе выражаясь, пока государство, в сношениях с другими странами, выступает как самостоятельная, независимая единица, его государственная власть, какова бы она ни была, относится к явлениям его внутренней жизни.

Предположим даже, что возражения, которые, может быть, еще и теперь мы услышим, — верны. Предположим, что, действительно, Сталин является только слепым орудием, только агентом мировых сил, центр которых — вне России; предположим, что освободиться от подчинения этим силам он и не может, ибо к ним принадлежат те внутрирусские влиятельные круги, на которые он опирается и от которых, в то же время, он и зависит, которые являются фактическими хозяевами страны. Допустим даже, что эти внутрирусские влиятельные круги — чужды основной массе населения России. Пусть все это будет так. Но, тем не менее, даже при таком положении вещей, вряд ли можно не согласиться с тем, что и самое наличие этих влиятельных кругов, и самый факт их влиятельности, и возможность их связи и подчинения внешним силам суть явления Русской внутренней жизни. Их подчинение внешним влияниям — добровольное. Оно не навязывается им мерами физического воздействия на них. С другой стороны, самый факт их чужеродности по отношению к основной массе населения страны, говорит о их сравнительной малочисленно-

сти. А следовательно, их власть над русской жизнью обуславливается не их физической силой, не возможностью оказывать своими собственными руками непосредственное физическое воздействие на остальную массу населения, а тем, что они, в свою очередь, опираются на более широкие слои населения, связанные как то с ними, либо в силу личной заинтересованности, либо добровольного принятия представляемых ими идей. Таким образом, центр разбираемого нами вопроса — во внутренней жизни России, а не вне ее. В основе допущенного нами подчинения России влияниям внешних сил лежит не навязывание этих влияний извне при помощи физических мер воздействия, а принятие изнутри, обусловленное внутренним духовным состоянием русской нации, — состоянием, за которое она, как нация суверенная, являющаяся сама себе хозяином, несет всю полноту ответственности. Скажут, что русскую нацию обманывают, развращают, разобщают, сеют в ней взаимную вражду и взаимное недоверие. Пусть будет так. Но ведь никто извне не заставляет ее силой поддаваться всему этому. Поддаваться или не поддаваться всему этому — вопрос ее внутренней жизни. Если мы обратимся за примерами к истории последних лет Италии, Германии, Франция, Испании, Китая и т. д., мы найдем очень солидные подтверждения нашим выводам. Во всех этих странах имеются элементы, иногда очень значительные, чуждые основной массе населения. Во всех этих странах иноземные влияния пользовались издавна всеми средствами, чтобы приобрести как можно большее значение. В частности, китайская смута, например, всегда подогревалась извне, и если мы обратимся к пресловутому китайским «генералам», то увидим, что их чулы ли ни всех в той или иной степени можно было бы рассматривать, как агентов иностранных влияний. Однако, кому придет в голову говорить о них, как об «оккупантах» Китая и относить их к числу внешних его врагов наравне, например, с Японией?

Но вернемся к понятию «пораженчество». В нем самую существенную роль играет именно момент принесения в жертву основных внешних интересов своей страны ради интересов ее внутренней жизни. Права или нет пораженцы в том или ином случае с точки зрения патриотизма, это — другой вопрос: смысл понятия, которым мы заняты, от этого не меняется. Но, все же, следует пояснить, что раз страна втянута в войну с другим государством — безразлично кем втянута, какой властью, при каком внутреннем состоянии и ради чего — победа в этой войне другого государства не может не быть сопряжена с нанесением тяжелого ущерба основным внешним интересам этой страны, в самом благополучном случае, хотя бы только с точки зрения ее престижа.

Применительно к переживаемому нами моменту, пораженчество можно было бы определить, как желание поражения советской России в войне с внешним противником (или, если угодно, с иностранным государством), покушающимся на незыблемость суверенитета и на целостность территории нашей страны, — желание, которое питается верой, что это поражение приведет к падению советской власти. Но нам хочется, не останавливаясь на этом частном случае, найти наиболее общее определение понятию «пораженчество», которое бы

охватывало наиболее широкий комплекс умонастроений родственных между собою. Нам представляется, что это позволит нам ставить шире и глубже вопросы, связанные с этим понятием.

Представим себе крайнего пораженца и крайнего оборонца и поделим всех людей на пораженцев и оборонцев, в зависимости от того, к какому из этих двух типов они стоят ближе по своему умонастроению. И вот, исходя из этого деления, мы дадим следующее определение. Мы назовем пораженчеством всякое, вызванное соображениями внутренней политики, попустительство в вопросах касающихся: 1) незыблемости суверенитета своей страны, 2) целостности ее территории и 3) охранения ее престижа.

Эти три вопроса не только не отделимы друг от друга, но и органически связаны между собою.

Примеры пораженчества в том широком смысле, который мы придали этому понятию, можно найти, хотя бы, разбираясь в причинах катастрофы постигшей нашу страну в 1917 году. В то время, когда по России распространялись списки думских речей, сеявших недоверие к верховной власти, обвинявших ее чуть ли не в измене отечеству, а тем более в тот момент, когда Государственная Дума, подержанная высшим командным составом нашей армии, возглавила Петроградский бунт, превратив его этим в революцию, — в то время наша армия была уже снабжена всем необходимым и вполне готова к предстоящему наступлению; в то время победа была уже обеспечена России. И члены Государственной Думы, и, тем более, главнокомандующие наших армий не могли не знать об этом. И вот, совершенно независимо от того, правы или нет были все эти люди в их отношении к верховной власти и в их устремлениях, касающихся внутренней политики нашей страны, нельзя не согласиться с тем, что если бы в их сознании победа России над Германией являлась задачей, перед которой должны были отступить на задний план все нужды и требования внутренней жизни страны, то судьба России была бы иной. Нам думается, что, напротив, мысль о скорой и неминуемой победе именно и побудила многих наших общественных деятелей к чрезмерной и неосмотрительной торопливости в их борьбе с режимом, потому что они, повидимому, боялись, что после нашей победы авторитет власти укрепитя и никакие «двориовые перевороты» не будут просто мыслимы. Но так или иначе, годовщина «февраля» есть праздник, прежде всего, русского пораженчества. Об «октябре» говорить не приходится: это — просто ни чем не прикрытое, сознательное предательство.



Вопрос о том, как следует относиться к пораженчеству, очень широк и многогранен. Его можно рассматривать с весьма различных точек зрения и, при глубоком подходе, его решение будет проистекать из самых недр нашего национального сознания и чувств. Поэтому, если бы мы захотели объяснить исчерпывающим образом, почему мы относимся отрицательно к пораженчеству, нам пришлось бы привести, так сказать, целую гамму весьма разнородных доводов, как разума, так и сердца. Мы ограничимся здесь по возможности крат-

ким изложением наших соображений, касающихся лишь одной, по нашему мнению, наиболее важной стороны разбираемого вопроса.

Самый факт, что мы — не пораженцы, проистекает из двух основных причин: 1) Мы верим в Россию, верим в русскую нацию, в неиссякаемую и неистребимую ее мощь, как физическую, так и духовную.

Поэтому мы не сомневаемся в том, что русская нация сумеет справиться со всеми недугами своей внутренней жизни сама, без постороннего вмешательства.

2) Согласно нашему пониманию, нация, а следовательно и государство, представляют собою организмы, прежде всего, духовного порядка.

Даже элемент, казалось бы, столь материальный, как территория, в жизни нации приобретает глубокое духовное значение, как бы, одухотворяется. Еврейская нация потеряла свою территорию, а с ней и государственность, много веков тому назад. Однако, духовной связи с «советованной землей» не утратила, и Палестина — для еврея не просто какое то количество удобной для государственного существования земли: ведь удобную для себя землю еврейская нация, при желании, давно могла бы найти где нибудь в другом месте. И духовная связь, которую сохранили евреи в своем национальном сознании с территорией своего исчезнувшего государства, сыграла, думается нам, далеко не последнюю роль в той вековой борьбе, которую еврейская нация ведет за свое существование и свою чистоту.

Естественно, что и на нашу революцию мы смотрим, как на процесс, по преимуществу, духовного порядка. И то ложное направление, которое принял этот процесс, и вообще все, что нам кажется в нем скверным и неприемлемым, мы приписываем, прежде всего, упадку нашего национального духа и, главным образом, потемнению нашего национального сознания. И вот этой основной причины всех наших бед, без устранения которой, все равно ничего не поправить, как раз победа враждебных России иностранных армий и не уничтожает. Эта победа привела бы лишь к разгрому России. И тут следует добавить, что вера в Россию отнюдь не заставляет и не должна заставлять нас недооценивать мощи других, враждебных нам, наций.

Мы ждем возрождения России от уже давно начавшегося оздоровления национального духа и прояснения национального сознания нашей нации. На успешное развитие, именно, этих процессов и должны быть направлены, по нашему убеждению, все усилия тех, кто желает блага России. Проповедь же пораженчества может только тормозить эти процессы. И каковы бы ни были результаты нашего предполагаемого поражения в грядущей внешней войне, тлетворное значение пораженчества, прежде всего, заключается не в этих результатах, на которые оно, может быть, никакого или, во всяком случае, прямого влияния и не окажет, а в самом факте, что русские люди «в минуту жизни трудную» своей родине теряют присутствие духа, утрачивают чувство национального достоинства и, не надеясь справиться со своими внутренними делами собственными силами, не сти-

дятся во всеуслышание молить Бога о даровании победы над своей же родиной ее внешним врагам.

Самым надежным залогом и в то же время совершенно необходимым условием правильного и прочного разрешения всех вопросов государственной жизни, при любых обстоятельствах, является здоровое национальное сознание, присущее, если не всей нации в целом, то во всяком случае ее ведущему слою. Но здоровье национального сознания зависит, прежде всего, от степени укорененности в нем некоторых предпосылок, представляющих собою, в их совокупности, как бы фундамент государственного существования нации. Твердость этих предпосылок в национальном сознании является первым условием жизнеспособности государства. Поэтому все, что им противоречит, что создает прецеденты, подрывающие их неизблемость в представлениях людей, что служит к ослаблению их четкости в национальном сознании, — все это должно отбрасываться без всякого колебания и никакими обстоятельствами, никакими соображениями, никакими целями оправдано быть не может. Ибо нелепо ради спасения государства, подтачивать самые основы его жизнеспособности, покушаться на самые источники его существования. Точно так же, как нелепо, ради борьбы за свою веру, нарушать, искажать и отбрасывать самые основные ее требования и заветы.

Нам представляется, что самой основной, самой необходимой предпосылкой, без наличия которой в национальном сознании просто немислимо самое существование великого и жизнеспособного государства, является вера в свое отечество. Эта вера складывается из двух элементов: во первых, из убеждения в том, что самостоятельное существование, развитие и величие отечества представляют собою ценности высшего порядка и, во вторых, из уверенности в духовной и физической мощи своей нации, — в том, что она достойна великого исторического жребия и способна справиться своими силами с исторической миссией, выпавшей на ее долю. Отметим, между прочим, что вера русской нации в свои собственные силы, ее престиж в своих собственных глазах, в глазах всех своих составных частей, всех племен и народностей ее составляющих, служит, в частности, основным фактором, обуславливающим существование России, как единого государства. Именно падение этого престижа и лежит в основе всех сепаратистских течений, всех центробежных сил нашего времени.

Как всякому живому организму, каждой здоровой и жизнеспособной нации присущ вполне естественный инстинкт самосохранения. И вот, у нации, достигшей в своем культурном развитии государственного бытия, этот инстинкт неразрывно, скажем, органически сливается с верой в свое отечество. Он порождает эту веру, но и сам порождается и укрепляется ею. Более того, он перерождается ею из обычного инстинкта, принадлежащего только подсознанию в сознательное и разумное стремление. Ибо только вера в свое отечество может вдохнуть в этот инстинкт разумный смысл и дать ему разумное обоснование и оправдание в глазах людей. Но у здоровой нации.

живущей государственной жизнью, инстинкт самосохранения находит свое конкретное выражение, прежде всего, в том, что все стремления этой нации подчиняются стремлению к сохранению и обеспечению независимости и безопасности своей страны, в ее целом. Практически же, преобладание этого стремления над всеми другими выражается в непоколебимой верности, сознательной или бессознательной, принципам, требующим от нас: 1) охранения, во что бы то ни стало и предпочтительно перед всеми другими вопросами, суверенитета своего отечества, 2) защиты целостности его территории и 3) поддержания при любых обстоятельствах, его престижа, как во вне, так и внутри его.

Вне соблюдения этих принципов не может быть и речи ни о вере в свое отечество, ни о национальной гордости, ни о подлинном национальном самосознании вообще. Вне соблюдения этих принципов — поражение!

Указанные нами принципы представляют собою нечто вполне единое, нераздельное. Это следует отметить потому, что в наше время очень многие стараются свести весь вопрос о поражении к вопросу о потере нами некоторой части территории. Тут, конечно, можно было бы заметить, что территория даром не достается нации. Можно было бы много, очень много, говорить о великом ее значении для государства. Можно было бы говорить о естественных границах государства, о том, что потеря любого клочка территории ослабляет его, лишает его возможностей, не всегда поддающихся учету или предвидению, и укрепляет его врагов, передавая эти возможности в их руки, что на территории живут люди, что, отдавая территорию, приходится отдавать и людей, от ответственности за судьбу которых мы освободиться не можем. Можно было бы указать на то, что главные очаги сепаратизма и духовного разложения нашей нации разжигаются нашими недоброжелателями именно на землях, которые могли бы принадлежать и нам. Можно было бы напомнить, что ради каждого клочка нашей территории умирали когда то русские люди, что земля пропитанная кровью наших предков, приобретает для нас какое то высшее значение, освещенное веками нашей истории. Можно было бы напомнить, что русские солдаты не колеблясь жертвовали своей жизнью, чтобы не отдать врагу своего полкового знамени, что если бы они не были способны видеть в своем знамени нечто большее чем просто кусок материи, то не умирали бы «чудо-богатырями», а Россия не была бы великой державой.

Мы не будем развивать всех этих тем, а укажем просто, что поражение есть поражение, а не просто утрата какого то количества территории, что поражение никак не может измеряться каким нибудь одним из его материальных последствий. Когда человек получает пощечину, то этот факт никак нельзя измерить материальными повреждениями его лица.

Поражение есть результат упадка национального духа и потемнения национального сознания. Мы приведем любопытный пример, подтверждающий это. Вопросы касающиеся религии и церкви более определенны и четки, чем вопросы касающиеся нации и отечества. Поэтому и наше религиозное сознание яснее национального.

И вот, не так давно, в одной из наиболее крайних по своему пораженчеству эмигрантских газет появилась очень интересная статья г. Николаева, быв. юрисконсульта Православной Церкви в Польше: «Ватикан, Советы и посточный обряд» («Голос России», ном. 38, 40 и 41), совершенно чуждая по своему духу какому бы то ни было пораженчеству. Мы приводим выдержку из этой статьи: «Позиция Рима в русском вопросе совершенно ясна. Она носит двойственный характер и борьбу против коммунизма считает возможным соединить с наступлением на православие и потому в корне своем она порочна. При таких условиях, русское общество не могло признать своим союзником в борьбе против большевиков римскую курию, ибо она покушалась на православие. Русское общество за рубежом предпочитало совсем остаться без такого союзника и об этом дало совершенно ясно понять Риму». Вряд ли хоть один пораженец, читая эти строки, почувствовал себя задетым. А между тем, достаточно заменить в них лишь несколько слов, чтобы получить совершенно аналогичное утверждение в области политической, которое могло бы соответствовать действительности, если бы наше национальное сознание было столь же ясным, как и религиозное: «Позиция такой то страны в русском вопросе совершенно ясна. Она носит двойственный характер и борьбу против коммунизма считает возможным соединить с наступлением на Россию и потому в корне своем она порочна. При таких условиях, русское общество не могло признать своим союзником в борьбе против большевиков эту страну, ибо она покушалась на Россию. Русское общество за рубежом предпочитало совсем остаться без такого союзника и об этом дало совершенно ясно понять кому следует».

Русская нация по самой природе своей чрезвычайно жизнеспособна. И ныне происходит быстрое оздоровление ее духа и проявление ее сознания. Она находится в стадии изживания только что пережитого ею периода, прошедшего под знаком пораженчества. В основе всех несчастий и катастроф, постигших наше отечество за этот период неизменно кроется именно пораженчество. Все это позволяет нам предвидеть безусловное и окончательное осуждение пораженчества возродившейся русской нацией. Все, что так или иначе связано с пораженчеством, будет отброшено ею.

Но следует отметить, что может иметь какое нибудь практическое значение для жизни страны и вообще какой нибудь смысл только осуждение, так сказать, самого принципа пораженчества, — пораженчества вообще, вне зависимости от обстановки данного момента. Ибо иначе, в каждом отдельном случае, пришлось бы не упрекать пораженцев за их пораженчество, а вступать с ними в спор относительно их оценки сложившейся обстановки, что совсем не одно и то же. При любой власти, при любом режиме, всегда имеются элементы не довольные, считающие, что состояние, в котором находится их страна, совершенно не выносимо и не допустимо. Для Ленина, да и не только для него, царский режим был неприемлем отнюдь не в меньшей степени, чем для нас — режим, установленный Лениным. И вот, если не укоренятся в нашем национальном сознании отношение к пораженчеству, как преступлению против своего государства, не

могущему быть оправданным ничем, то среди недовольных элементов всегда найдутся пораженцы, и они не встретят должного сопротивления со стороны общества. И не будет никаких оснований звать к их совести, ибо они, может быть, вполне искренне будут думать, что выполняют свой долг перед родиной и родным народом.

Пораженчество должно осуждаться так, как осуждается, например, при нормальном состоянии государства, самосуд, который признается преступлением против государства, вне зависимости от обстоятельств, ему предшествовавших. Впрочем, и в пораженчестве всегда имеется какая то доля самосуда, — самосуда над своим отечеством.



Противникам пораженчества очень часто задаются вопросы: а как вы поступили бы в таком то случае и при таких то обстоятельствах? Когда перед нами стоит очень важный, очень широкий, глубоко принципиальный вопрос, то ни в коем случае не следует при его решении увлекаться казустикой. Надо найти его наиболее общее и правильное принципиальное решение и утвердить это решение в своем сознании. Это даст нам единое руководящее начало, которое позволит во всех частных случаях, встречающихся в жизни, находить решения, носящие не случайный характер, зависящие не от мимолетных настроений, но проникнутые единым разумным смыслом и единой целесообразностью. И если мы окажемся достаточно твердыми в своих убеждениях, достаточно смелыми и бескомпромиссными в своей мысли, достаточно мужественными в умении принимать ответственные решения, то вся линия нашего поведения будет отличаться постоянством и осмысленностью в своей целеустремленности.



Вряд ли подлежит сомнению, что в настоящий момент, безопасность нашего отечества требует самым настоятельным образом коренной смены режима. Но какими средствами добиваться этой смены? Если бы мы имели возможность свергнуть страну в анархию, содействовать ее распаду на составные части, наводнить ее иностранными войсками, то такими средствами, само собою разумеется, мы все равно не воспользовались бы, и никакие смены режима нас не соблазнили бы. Ведь, именно оборону отечества от внешних врагов и сохранение его целостности мы и считаем первейшими и важнейшими задачами.

Существующий режим уже и теперь находится в стадии изживания. Это изживание неразрывно связано с процессом оздоровления духа и сознания нашей нации и является в очень значительной степени функцией этого процесса. И вот, как мы уже говорили выше, все силы тех, кто желает блага России, должны быть направлены на содействие успешному развитию именно этого оздоровительного процесса. Вот основные элементы этого процесса: зарождение и развитие творческих, созидательных устремлений, какими бы целями они ни оправдывались; пробуждение и рост патриотических чувств

и русского имперского национального сознания, какими бы лозунгами и флагами оно ни прикрывалось; рост и углубление религиозного чувства и сознания.

В частности, смены режима следует требовать, уж во всяком случае, не во имя поражения, а во имя победы своей родины. И в данном случае наши взгляды, надежды и желания совпадают с тактической целесообразностью. Поясним это на примере. Недавно нам довелось прочесть в одной из крайне пораженческих газет следующие слова о красной армии: «...по национальному составу она, конечно, в подавляющем большинстве русская. Вопрос — в тех целях, которым она служит. Конечно, ротные командиры красной армии — не наши. Они подобраны из наиболее преданных советской власти людей, в большинстве являются членами партии, находятся под постоянным контролем и слежкой и являются пассивными, послушными колесиками советской машины. Не даром советская власть так тщательно изолирует их от остального населения и ставит их в такое привилегированное положение. Однако, после революции большинство этих ротных командиров будут нашими. Не всем им сладко смотреть, как вымирает их собственный народ». («Голос России», ном. 44).

Эти «ротные командиры» принадлежат к тому слою советских людей, как военных, так и штатских, на которых держится режим. Их умонастроения имеют огромное значение и советской власти с ними приходится считаться: в противном случае ей незачем было бы «изолировать их от остального населения и ставить их в такое привилегированное положение». Более того, пока эти люди будут довольны режимом, будут преданы ему, будут поддерживать его не за страх, а за совесть, — никакие подкопы под этот режим успеха иметь не будут. Но эти люди «по национальному составу» «в подавляющем большинстве» — русские и «после революции большинство этих командиров будут нашими. Не всем им сладко смотреть, как вымирает их собственный народ». Значит, что-то общее у них с нами имеется. Значит, общий язык с ними мы найти можем. И думается нам, что в своем взгляде на эмиграцию советская власть именно этого и боится больше всего. И с этой точки зрения эмигрантская «святая, люта я злора и ненависть», жажда мести, пораженчество, без сомнения, представляются явлениями для советской власти весьма желательными.

Пропаганда, проникнутая духом пораженчества на советского «ротного командира» не подействует. Пропаганда же проникнутая желанием победы России, доказывающая, что для победы необходима смена режима, на него подействовать может, во первых, потому, что он первым, в случае войны «подставит свой лоб» под неприятельские пули, а во вторых, потому, что ему, вне всякого сомнения, не чужды патристические и националистические чувства.

С другой стороны, сознание этого «ротного командира», что его «повесят», как только падет существующий режим, что за рубежом живет чуть ли не два миллиона людей, жаждущих его крови, — такое сознание не может не укреплять его преданности режиму и

не служить мощным препятствием для какой бы то ни было пропаганды, идущей из за границы.

В данном случае, мы просто констатируем факт, и пусть не подумают читатели наши, что мы собираемся дать совет людям, с нами не согласным в принципе, прикидываться не тем, чем они являются на самом деле. Из этого все равно ничего не вышло бы: «шила в мешке не утаишь».

Таковы наши взгляды, касающиеся данного момента, когда внешняя война представляется лишь более или менее вероятной угрозой.

Но что же надо будет делать в том случае, если война вспыхнет на самом деле?

Мы не знаем ни обстановки, которая сложится в тот момент, ни состава, ни соотношения действующих сил, ни устремлений этих сил, ни наших собственных возможностей, ни неустрашимых необходимых, которые, может быть, будут давить на нас. И мы нашли бы совершенно бесполезным занятием попытки предугадать все это. Но мы с полной определенностью можем сказать, что при любых обстоятельствах, мы останемся верными своим основным принципам и всеми помыслами своими, и всеми силами своими будем стремиться, прежде всего, к победе нашей родины над ее внешними противниками.

С. Попандуло.

В России и в эмиграции

1. Сталинизм

Сталинизм! Несомненно данный исторический период в жизни нашей страны характеризуется личностью Сталина.

Что такое Сталинизм, в чем его основные и характерные черты, каково его будущее? Вот вопросы, которые ежедневно ставятся и на которые никто ясно и определенно ответить не может.

За последние месяцы все карты оказались как бы вновь совершенно спутаны, и Русская проблема встала опять перед всем миром огромной и довольно жуткой загадкой. Наступил период полного недоумения. Понять происходящее в России очень трудно, настолько запутаны, противоречивы и невероятны факты. Признаться надо в этом всем, и особенно тем, кто слишком быстро хотел забежать вперед, в казалось уже не столь далекое, лучшее Русское будущее.

Еще недавно казалось очевидным, что Россия вышла, наконец, или выходит, из полосы внутренних потрясений и что дальнейшее